

Кто из нас лицемернее — еще большой вопрос.

Как только Лу Чэн ушел, во дворе воцарилась тишина. Звук ветра стал казаться еще более тоскливым и одиноким, а старая усадьба — точь-в-точь могила, в которой заперт живой мертвец.

— Эх.

Гу Чанъань взъерошил черные, как смоль, волосы маленького мальчика, стриженные под горшок. Малыш, как же хорошо тебе в твоём возрасте — ни забот, ни тревог. Станешь взрослым — будет скучно, а перестанешь расти — еще скучнее. Чувствуешь себя каким-то монстром, которого природа выбросила на обочину жизни.

Гу Чанъань нарвал ненужной бумаги, сложил из нее картонные фигурки, разделил с мальчиком поровну, и остаток утра они провели за игрой.

Когда вернулись Чэн Ян и Ху Цзюань, Гу Чанъань передал им ребенка, а сам, кутаясь от ледяного ветра, отправился к Чжан Луну. Путь был неблизким, а цены на такси — совсем не дружелюбными.

В самый разгар дня старик все еще сидел на углу улицы, чистя обувь.

Гу Чанъань купил два мясных пирожка и протянул один деду:

— Они горячие, ешьте скорее, пока не остыли, а то будет невкусно.

Старик взял пирожок своими огрубевшими руками и принялся без конца благодарить.

Гу Чанъань встал в месте, защищенном от ветра:

— Дедушка, почему вы до сих пор здесь? Не пора домой?

На изборожденном морщинами лице старика застыли следы прожитых лет:

— Дома все равно никого. Кастрюли да плошки холодные, готовить не хочется.

Гу Чанъань прожевал кусок пирожка:

— А семья где?

— Все разъехались, — старик тяжело вздохнул. — Раньше сын с невесткой внука мне на воспитание оставляли. С ним хоть поговорить можно было, дни летели незаметно. А недавно забрали его, вот я и вышел, лавочку открыл. Дома сидеть не вмоготу, ни души вокруг, тоска

смертная, аж дух захватывает.

Помолчав, он добавил:

— Мои старые кости недолго протянут. Поработаю, хоть на хлеб заработаю, авось и на игрушки внуку удастся отложить.

Гу Чанъань улыбнулся:

— Видно, вы с внуком очень близки.

— Мой внук — золото, — в мутных глазах старика промелькнула нежность. Он принялся жестикулировать: — Слабого здоровья, ростом вот такой, а голова светлая — другим детям до него далеко...

Гу Чанъань слушал, как старик с гордостью хвалит внука, и не перебивал. Лишь дослушав, заметил:

— Вырастет достойным человеком.

Старик просиял:

— До будущего еще дожить надо. Но одно знаю: раз смышленный с пеленок, плохим человеком точно не станет.

Гу Чанъань поддержал разговор, а затем заметил:

— Похоже, сегодня торговля идет неплохо.

— Лучше, чем вчера.

У ног старика стояло несколько пар обуви. Когда Гу Чанъань подошел, тот как раз чистил синие кожаные туфли на каблуках с бантиками и маленькими цепочками, которые мелодично позвякивали при каждом порыве ветра.

Гу Чанъань присмотрелся: обувь выглядела почти новой, почти неношеной. Он вскользь спросил, чьи это туфли.

Старик выпалил:

— Это обувь для покойников.

Словно поняв, что сболтнул лишнее, он перестал улыбаться, положил пирожок на деревянный ящик и отрезал:

— Больше не спрашивай, парень.

Гу Чанъань лишь протянул:

— Вот оно что...

В городке действительно был такой обычай: когда кто-то умирал, для погребения готовили несколько пар обуви.

Поболтав со стариком еще немного, Гу Чанъань двинулся вглубь квартала. Петляя по переулкам, он добрался до дома Чжан Луна. Лю Цуйфан дома не было, а в соседнем доме справа — тоже пусто.

Неподалеку работали криминалисты. Там была и капитан — женщина лет тридцати-сорока, с волевым и строгим лицом. Гу Чанъань узнал ее и поспешил уйти, пока она не заметила его.

На следующий день Гу Чанъань пришел вместе с Лу Чэном. Лю Цуйфан так и не вернулась — судя по всему, она решила наплевать на сплетни и остаться жить у Цянь Фэя.

А вот в доме справа кто-то был.

Целью этого визита было выяснить связь между тем призраком и женщиной, а также узнать, причастна ли она к смерти Чжан Луна.

Зная, что в доме обитает нечисть, Гу Чанъань с порога напрягся. Войдя в гостиную, он невзначай бросил взгляд на туфли в углу и замер.

Прямо у входа стояли те самые туфли, что он видел вчера у старика на лотке.

Цок-цок-цок.

Из глубины дома послышался отчетливый стук каблуков. Гу Чанъань обернулся и увидел, что на женщине не старые сандалии, а те самые синие туфли.

Бантики на них подрагивали, а цепочки позвякивали. Туфли были ей малы, пятки сдавило так, что кожа сморщилась и покраснела, казалось, вот-вот лопнет, но она шла с таким видом, будто на седьмом небе от счастья.

В голове Гу Чанъаня всплыли слова старика. Холод пробежал по ногам и мгновенно сковал все тело. Его прошибла дрожь, и он невольно придвинулся ближе к Лу Чэну.

Лу Чэн бросил на него взгляд, полный невыразимого смысла.

Гу Чанъань уставился на женщину и с невозмутимой улыбкой спросил:

— Ваши туфли...

Женщина опустила голову и принялась нервно поправлять волосы у лица, пытаясь скрыть пугающее красное родимое пятно. Она тихо кашлянула и пробормотала:

— Подарили.

— Они вам малы, — заметил Гу Чанъань.

— М-м... — женщина опустила голову еще ниже, отступила на шаг и забормотала что-то невнятное: — Я... я подумала, они красивые. Никогда таких не носила. Пусть больно, но все лучше, чем в сандалиях.

Сказав это, она зашлась в приступе кашля:

— Кх-кх... кхе-кхе... кхе-кхе-кхе...

Лу Чэн хранил молчание, но его присутствие ощущалось слишком остро, от него исходила пугающая аура. Женщина, продолжая кашлять, испуганно косилась на него.

Заметив, как она придвинулась ближе к молодому человеку, ища защиты, Лу Чэн беззвучно усмехнулся.

Люди легко поддаются обману внешности. Принимают за безобидного кролика того, кто на самом деле является волком, способным сожрать тебя с потрохами.

Гу Чанъань, немного подумав, уловил неладное и спросил женщину:

— Вы вчера носили эти туфли к тому старику на угол?

Женщина вскинула голову, явно не ожидая, что он об этом знает.

— Я проходил мимо и запомнил их, — Гу Чанъань улыбнулся, мягко и совсем не агрессивно. — Вам очень идет синий цвет.

Женщина снова опустила голову, стараясь подавить кашель, словно боясь вызвать отвращение.

Лу Чэн бросил на парня холодный взгляд: Ты что, решил пофлиртовать?

Гу Чанъань одарил его презрительным взглядом: Какой частью мозга ты это решил? Нельзя ли думать о чем-то более приличном?

Лу Чэн внезапно посмотрел ему за спину.

Лицо Гу Чанъаня окаменело. Он беззвучно спросил губами: Призрак?

Лу Чэн промолчал и отвел взгляд.

Гу Чанъань подавил раздражение, подошел к мужчине и сделал ему знак.

В этот момент женщина прошептала:

— У меня нога большая, туфли... кх-кх... мне не по размеру. Моя кузина может их носить, она приедет — отдадим. Кхе-кхе.

Гу Чанъань моментально сменил выражение лица на любопытство:

— Кузина?

Женщина кивнула.

Гу Чанъань почувствовал, что зацепился за ниточку, и небрежно спросил:

— Где она сейчас?

Видимо, не понимая, почему он спрашивает, женщина посмотрела на него и ответила:

— В городе, работает.

— Она бывала у вас раньше? — уточнил Гу Чанъань.

— Да, жила несколько дней, — женщина посмотрела на носки своих туфель, в ее голосе сквозила тоска. — Потом уехала обратно в город.

Она прикрыла лицо рукой:

— Только она... она меня не боялась.

— Когда вы видели ее в последний раз? — спросил Гу Чанъань.

Женщина снова посмотрела на него, в ее глазах читалось недоумение, но не страх или ложь:

— Десять с лишним дней назад.

— Помните, во что она была одета?

Женщина, поразмыслив, принялась описывать наряд. Гу Чанъань едва заметно вздрогнул: описание одежды точь-в-точь совпадало с тем, что рисовал Лу Чэн. Призрак в доме — это ее кузина.

Он вопросительно посмотрел на Лу Чэна.

Тот едва заметно кивнул в ответ.

Гу Чанъань с подозрением посмотрел на женщину. Она не знала, что кузина мертва, и что ее душа, став блуждающим призраком, теперь повсюду следует за ней. И непонятно, почему она до сих пор не отправилась в Иньцзянь на перерождение.

— Какие у нее были отношения с Чжан Луном?

— Очень... очень хорошие. — Женщина прикрыла рот, заходясь в кашле. Ее худое, как скелет, тело содрогалось, а открытые участки кожи на лице покраснели. — Кх-кх... если бы она знала... знала, что Чжан Лун умер... кх-кх... она бы очень расстроилась.

Гу Чанъань замолчал, погружившись в раздумья.

Лу Чэн тоже молчал, глядя куда-то влево от женщины.

В комнате повеяло могильным холодом. Гу Чанъань почесал шею и как бы невзначай спросил:

— Кстати, когда вы вчера носили туфли к старику, вы сказали ему, что они для кузины?

Женщина перестала кашлять и кивнула.

Лицо Гу Чанъаня изменилось. Старик сказал, что это обувь для мертвецов.

В доме воцарилась гробовая тишина.

Гу Чанъань машинально отошел в угол и присел на корточки, прислонившись спиной к стене. Склонив голову, он ушел в свои мысли.

Лу Чэн: «...»

Женщина удивленно спросила:

— Господин, вы чего... кхе-кхе... кхе-кхе-кхе...

Лу Чэн одарил ее ледяным взглядом.

Женщина тут же зачесала волосы вперед, полностью закрыв лицо. Ее глаза расширились от ужаса, она смотрела на них сквозь пряди волос.

Лу Чэн нахмурился.

Женщина продолжала нервно поправлять волосы, выглядя при этом как жалкое, перепуганное животное.

Лу Чэн подошел и пнул ногой большой гриб в углу:

— Уходим.

Гу Чанъаня вырвали из раздумий. Он снял очки, потер переносицу и с трудом сдержал гнев:

— Нельзя ли в следующий раз не мешать мне думать? М?

Лу Чэн, не обращая на него внимания, направился к выходу.

Гу Чанъань надел очки, встал и спросил женщину:

— Не помните, в какой обуви была кузина, когда уходила?

Женщина подумала и покачала головой: не помнит.

— Госпожа, еще одна просьба. Если полиция будет спрашивать — не упоминайте обо мне и моем друге, — улыбнулся Гу Чанъань. — После новостей сюда понаехало полно народу. Одни — любители пощекотать нервы, им скучно, вот и возомнили себя детективами. Другие — туристы, просто поглазеть. А третьи ради хайпа стримы ведут. Мы с другом — из первой категории, фанаты Конана.

Идущий впереди Лу Чэн едва заметно запнулся. Фанаты Конана? Ну и наплел.

Дверь за спиной Гу Чанъаня медленно закрылась. Он обернулся: щель становилась все уже, и лицо женщины, наполовину скрытое родимым пятном, казалось, крошилось на куски, пока не остался один вращающийся глаз.

По спине пробежал холодок. Гу Чанъань растянул губы в мягкой, кроткой улыбке:

— До свидания.

Из-за двери донесся мучительный кашель, переходящий в хрип, похожий на звук старых мехов. Он эхом разносился по темному сырому переулку, вызывая дрожь.

Не успели они отойти далеко, как Гу Чанъань заметил приближающихся капитана Цзи и ее помощника. Он тут же затащил Лу Чэна в ближайший угол.

— Капитан Цзи, — раздался молодой голос, — Лю Цуйфан — та еще штучка. В таком возрасте — и такой «свежачок» подцепила. А некоторые женщины за тридцать, почти сорок, все в девках ходят. Либо от реальности бегут, либо по свиданиям бегают. Увидев ее успехи, обзавидуются до смерти.

Затем последовал женский голос с хрипотцой:

— Вот как?

— Капитан Цзи, я не в том смысле! Не то чтобы вас никто не хотел. Вы не такая, как те тридцатилетние. Хотя вы и одиноки, но вы крутая! Мужиков за пояс заткнете, они вам и не нужны вовсе, вы и сами... Капитан Цзи, я виноват!

— Сяо Сюй, одинокие женщины за тридцать тебе дорогу перешли?

— Нет-нет!

— И еще: «свежачок» — это не только возраст. Это еще и свежесть, красота, чистота характера, а не болтливость и бандитские замашки. На данный момент я знаю только одного человека, который подходит под это определение.

— А, знаю! Это тот Гу... как его... Гу Чанъань! В этот раз я не ошибся с именем, капитан?

— Кроме него — никто. Сяо Сюй, иди к двоюродному брату жертвы, узнай, что да как...

— Капитан, ну вы и тему сменили! Ладно-ладно, иду, уже иду.

Звуки шагов затихли. Гу Чанъань вышел из угла, отряхивая пыль с рукавов. Встречаться с Цзи ему сейчас не хотелось — меньше знаешь, крепче спишь.

Лу Чэн, засунув руки в карманы пальто, с насмешкой посмотрел на парня:

— Чистота характера?

Гу Чанъань с улыбкой покосился на него:

— Разве нет?

Лу Чэн приоткрыл губы и процедил:

— В задницу себе это засунь.

Глаза Гу Чанъаня за стеклами очков блеснули, он картинно удивился:

— Ого! С тех пор как мы знакомы, впервые слышу от тебя брань. Неплохо, очень четко, изысканно и со вкусом. Прямо в твоём стиле.

На губах Лу Чэна внезапно появилась легкая улыбка, которая тут же стала шире. Его и без того красивые черты лица стали еще более притягательными, от них невозможно было отвести взгляд.

У Гу Чанъаня по коже поползли мурашки:

— Чему улыбаешься?

— Тебе, — ответил Лу Чэн.

Его улыбка исчезла, лицо стало холодным и суровым, таким же стал и голос:

— Но иногда ты бываешь таким наглым, что мне хочется подвесить тебя и проучить.

Гу Чанъань пробормотал про себя: «Псих». Подвесить меня? Да у тебя кишка тонка, еще неизвестно, кто кого подвесит.

Мимо прошла группа туристов с гидом, они то и дело поглядывали на Гу Чанъаня и Лу Чэна. Их яркая внешность не вписывалась в атмосферу старых переулков, но в то же время казалась их естественной частью — словно переодень их в древние одежды, и они стали бы молодыми господами из знатных семей.

Несколько девушек начали фотографировать их на телефоны.

Шепот долетал до ушей Гу Чанъаня: «Тот, что повыше, такой красавчик», «Может, это звезды на съемках?», «Аристократическая внешность», «А тот, что рядом, — вообще прелесть», «Идеальное воплощение мемов „слабый, жалкий, беспомощный“», «Такой хрупкий, мягкий, как кролик, хочется защитить», «Выложу в Вэйбо»... Все это было еще нормально, но тут кто-то добавил: «Идеально смотрятся вместе».

Гу Чанъань дернул щекой, натянул капюшон и, лениво прикрыв глаза, пошел прочь.

Лу Чэн неспешно следовал за ним, слушая ожесточенный спор двух девушек: одна доказывала, что это «жена-слабый шу, властный господин-гун», другая — что это «болезненный шу, коварный и скрытный гун».

Он достал телефон, поискал значения этих слов и приподнял бровь.

Идущий впереди Гу Чанъань нетерпеливо поторопил его, а его болезненное, мягкое лицо заволокло мраком:

— Лу Чэн, быстрее!

— Иду.

Увидев это, девушки переглянулись и хором произнесли:

— Неужели «королева-шу»?

Лу Чэн, продолжая идти, загуглил, что это значит, и, поняв смысл, без всякого выражения убрал телефон в карман.

Гу Чанъань потер гладкий лоб. Когда он ходил с У Дабином, никто не принимал их за пару, а как только появился Лу Чэн, все сразу начали молоть чепуху.

Голос Лу Чэна раздался сзади:

— Ты контактируешь с полицией?

— Пару раз пересекались, — небрежно ответил Гу Чанъань.

Лу Чэн поравнялся с ним:

— Судя по всему, ты произвел на них неизгладимое впечатление.

Гу Чанъань указательным пальцем поправил очки и пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, родился с лицом, которое трудно забыть.

Лу Чэн краем глаза заметил, как парень притворно сокрушается. Его пальцы дернулись — так хотелось заставить это вечно лицемерное лицо заплакать.

Издали донесся звук погремущки — старик на велосипеде скупал гусиный и утиный пух.

Гу Чанъань вспомнил старика, чистившего обувь. Он поднял глаза: еще немного, свернуть за

угол — и будет его лоток.

— Чжан Лун по какой-то причине случайно убил кузину той женщины. Пряча тело, он испугался оставить следы, поэтому снял обувь и оставил ее в стороне, планируя забрать позже. Но из-за... внезапно проходящего мимо человека, в панике убежал домой. А когда Лю Цуйфан спросила, он соврал, что потерял туфли.

Так эта ложь попала в брюхо рыбы, которую выловили, продали на рынке, и которую купил Лу Чэн. Гу Чанъань услышал об этом, и так все началось.

— Чжан Лун вернулся за туфлями, но их и след простыл, — продолжил Гу Чанъань. — Тела, скорее всего, тоже не было. Неизвестно, кто это сделал. Он перепугался, у него поехала крыша, он сошел с ума, но даже в безумии продолжал искать туфли. Подсознательно он чувствовал: найдет обувь — будет в безопасности.

Лу Чэн распечатал мармеладку и съел:

— Звучит логично.

— Тот, кто проходил мимо, был старик. Он знал, что кузина давно мертва, поэтому и сказал, что обувь — для покойников.

Гу Чанъань запнулся. Его теория уперлась в стену:

— Если старик действительно видел, как прятали тело, или был свидетелем убийства, почему не заявил в полицию? Они друг другу никто, у него нет причин покрывать Чжан Луна.

Он протянул руку и забрал мармеладку, которую Лу Чэн поднес ко рту:

— Кто спрятал туфли Чжан Луна? Где тело? Тот, кто стоит за этим, сделал это, чтобы уничтожить улики? А в итоге невольно довел его до безумия? И кто его убил? Причем так изощренно и мерзко, будто специально, чтобы все подумали на призрака.

— Теперь нужно копать под старика, он — ключ к разгадке...

Лу Чэн оттолкнул его руку:

— Ты что, вечно ешь из тарелки криминалистов?

Гу Чанъань облизнул губы и многозначительно посмотрел на мужчину.

Лу Чэн спокойно встретил его острый взгляд:

— Секреты клана Гу для меня не секрет.

Гу Чанъань не изменился в лице.

Лу Чэн наклонился, его тонкие губы едва касались белого уха парня, и медленно, низким голосом он произнес:

— Рыба лжи.

Зрачки Гу Чанъаня слегка сузились.

— В этом мире существует либо ложь, либо правда. Первое будет поглощено рыбой.

<http://bllate.org/book/19143/1880139>